

Глупо было вмешиваться, Игорь и сам это понимал, но... Может, тут сыграла роль водка, все еще слегка булькающая в голове, может, просто накопившаяся за последнее время злость, а может, убедительная тяжесть ствола в кармане. Во всяком случае, не врожденный героизм и стремление помочь ближнему (для менеджеров среднего звена, по его мнению, последнее вообще не было свойственно). Одно дело — дать займы другу, точнее, товарищу, друзей у него не было, сидящему за соседним столом, пару тонн до полочки, и совсем другое — ввязываться в сомнительное предприятие с перспективой получить по голове чем-нибудь тяжелым или в бок острым и нестерильным. Но вот вмешался же...

Если честно, он в тот вечер просто шел домой после стихийно возникшего в офисе сабантуя — праздновали сдачу проекта, удачно впаренного заказчику. Тот был, выражаясь терминологией девяностых, редкостный лох и в теме не разбирался совершенно, зато деньги у него водились. Поэтому, наверное, и удалось так легко сдать проект, так как все решения, заложенные в него,

были грамотными и технически обоснованными, а что выбран был дорогой вариант... Ну что же делать, раз заказчик не привык скупиться, грешно этим не воспользоваться. В общем, премия на карман капнула неплохая, и, как единодушно решила мужская часть коллектива, это надо было отметить. Женщины, кстати, тоже присоединились, но позже. Как считал Коля Принц, мулат и незаконнорожденный потомок самого настоящего принца из Сомали, для того, чтобы не скидываться и выпить на халяву.

Известного своей прижимистостью Принца обозвали жмотом, на что он не обиделся, поскольку слышал это по десять раз на дню. Впрочем, он бухтел, скорее, для порядка, сам понимал, что без женщин праздник — он как бы и не совсем праздник. Сами же дамы числом трое и возрастом от сорока до пятидесяти трех дружно решили, что после пятидесяти жизнь только начинается, и махнули еще по пятьдесят. В общем, процесс пошел и, как и каждая нормальная пьянка, начал стихийно набирать обороты, требуя добавки.

Через полтора часа, когда было выпито все специально купленное и разорены имеющиеся заначки (у Принца наверняка осталась, но на нее и не покушались — прекрасно знали, что русскую душу потомок африканских людоедов и ивановской ткачихи понимает и завтра пожертвует при-

пасенную бутылку на опохмел), народ так же стихийно начал расходиться. Жалкие остатки сырно-колбасного и маринованного изобилия перекечевали в холодильник, одноразовая посуда отправилась в мусорное ведро, а кружки... Ну, для мытья кружек есть магическое слово «завтра». Народ защелкал кнопками и запиликал сенсорами мобильных, вызывая такси, «слегка» подвыпившие дамы, обиженные тем, что никто не пригласил их продолжить банкет, а вместо этого попытались припахать на мытье все тех же многострадальных кружек, дружно смылись, а Игорь пошел домой пешком. Ну а что, пятнадцать минут, если срезать через гаражи, да по легкому морозцу, самое то. Правда, шпаны там порой бывает масса, но травматика в кармане внушала уверенность в собственных силах, а стрелял Игорь всегда отменно. Именно поэтому, кстати, его не рисковали трогать: некоторые успели убедиться на собственном опыте, что попадание в лоб вызывает глубокий нокаут и сотрясение мозга, а стреляет офисный планктон не задумываясь. В среде мелких безобразников такие сведения разносятся мгновенно, так что все заинтересованные лица знали в лицо человека, которого лучше не задевать.

В этот раз между гаражами было на редкость тихо — наверное, виной тому был легкий, градусов двадцать, морозец. Даже вечно копающийся

в потрохах своего антиквариата дядя Лёня отсутствовал — очевидно, плюнул на присосшую к полу гаража четырехколесную недвижимость и пошел домой. Проходя мимо его гаража, Игорь машинально отметил, что до ставшего уже родным и привычным двора осталось метров двести. Вот тут и начались непрошенные приключения — то, чего он, мирный, в общем-то, человек, всегда старался избежать.

Появившийся из-за поворота мужик с мешком на плече не вызвал у Игоря никаких эмоций. Кого здесь только ни бывает, может, бомж какой, сокровища, найденные в мусорном баке, домой тащит, ну, в смысле в подвал или в колодец теплотрассы, где они обычно квартируют. А может, самый обычный домохозяин вытащил из гаража картошку и несет теперь домой. Санки хоть взял бы, чтоб не на горбу, мимоходом подумал Игорь, но вслух, естественно, комментировать не стал: лезть не в свое дело ему категорически не хотелось. Ну, есть у человека желание помучиться — его проблемы, пускай хоть шею свернет, если мозгов нет.

В принципе, они так и разошлись бы, тем более что шли в одну сторону, и Игорь постепенно отставал, но тут вмешалась случайность. Мужик тот шел, держась ближе к краю, в тени, но в одном месте ему пришлось выйти почти на середину дороги, так как огромный сугроб возле

нерасчищенного подъезда гаража мешал пройти. Хозяин этого бокса являл собой классический образец подснежника: осенью, по окончании дачных работ, загонял свой пепелац, закрывал ворота и до мая никуда не ездил. Ну а соседи, расчищая снег у своих гаражей, не мудрствуя лукаво, отбрасывали его к дверям незадачливого товарища по кооперативу. В результате уже к концу осени образовывалась внушительная и довольно грязная куча, а сейчас был самый разгар зимы. И, что характерно, именно здесь висел освещающий пространство вокруг фонарь, чуть ли не единственный на обозримом пространстве.

Когда свет упал на мешок, Игорь только что не охнул. Какой там, на хрен, мешок! Человек, причем, судя по размерам, ребенок. Игорь, конечно, слыхал, что в их городе тоже попадают педофилы и прочие маньяки, но вот так нарваться... И ведь, что интересно, ни полиции поблизости, ни кого-нибудь еще. Самым логичным было достать мобильник, что он тут же и сделал, однако толку от телефона не было: пискнул динамик, мигнул индикатор... На морозе его «сонька» работать отказывалась категорически. И тогда он поступил так, как, наверное, никогда бы не стал делать на трезвую голову.

— Эй, мужик! — крикнул Игорь, ускоряя шаг. — А ну, стой!

Мешочник обернулся, однако лица Игорь не разглядел — все его внимание приковал к себе нож, возникший в руке как по волшебству. Стилль «сдохни от зависти, Рембо», длиной сантиметров тридцать, если не больше, с широким лезвием, увенчанным по обуху страшенной на вид пилой. Угу, классная штука — молокососов пугать, а в русскую зиму такой можно разве что куртку расхаракирить да шрамов понаставить, а вот убить этим ножом еще надо ухитриться. Редкостно неудобная пародия на оружие, хотя и выглядит грозно. Крутанув его в руке, как саблю, другой рукой незнакомец легко, словно щенка, отшвырнул ребенка и двинулся вперед.

Ну, раз человек не хочет говорить по-хорошему, можно поговорить и по-плохому. Травматический пистолет легко, будто сам прыгнул в руку. Банг! Банг! Банг! Звук был хлесткий, звонкий, эхом прокатившийся в узком пространстве между гаражами и завязший в снегу. Мужик взвыл и выронил нож. Ну да, по пальцам — это больно, возможно, даже переломы заимел. Две другие пули пошли в корпус, но вряд ли причинили сколь-либо заметный вред — все же по случаю зимнего времени на мужике был короткий, но плотный полушубок. Однако, пока он тряс рукой, Игорь, не теряя времени даром, быстро шагнул вперед и с чувством пнул его в пах.

Говорят, если разбить яйцо, то убить можно не только Кощея. Ушибленный, скорее всего, остался при своем достоинстве, но ощущения у него, похоже, были неприятными. Иначе зачем, спрашивается, выпучивать глаза, со свистом, больше похожим на шипение ушибленного кота, втягивать ртом воздух и складываться пополам? Игорь же, секунду подумав, ударил ногой еще раз, на сей раз в лицо — чтоб, значит, распрямился. Тяжелые зимние ботинки на толстой, твердой, как камень, подошве являются очень хорошим разгибающим инструментом. Во всяком случае, на сей раз получилось великолепно — мужик аж подлетел, теряя зубы, в шикарном пируэте и с размаху брякнулся в сугроб.

По рыцарским канонам, а также согласно тому, что показывают в многочисленных сериалах, следовало вязать злодея, а потом вызывать полицию. Увы, ни того, ни другого Игорь делать не собирался: согласно тем же сериалам, все менты, или, во всяком случае, немалая их часть, куплены мафией на корню, и раз так, злодей, в конце концов, останется на свободе, а пострадает как раз герой. Или от самих ментов, когда его посадят, обвинив в чем-нибудь и прицепив к делу все скопившиеся «висяки», или подельники этого козла прирежут в подворотне... Разумеется, не все в жизни так мрачно, умом Игорь прекрасно это понимал, но стереотипы, вбитые

телевизором и кое-каким жизненным опытом, требовали держаться от всего этого подальше. В общем, Игорь испугался, даже хмель в страхе вылетел из организма и куда-то торопливо упорхал. Именно поэтому вместо того, чтобы поступить, как полагается, Игорь сделал то, чего требовал инстинкт, — с чувством врезал упавшему по ребрам, заставив его болезненно охнуть. Судя по вялой реакции, непосредственной опасности сейчас не ожидалось, а после того, как на третий пинок реакции не последовало вовсе, Игорь заключил, что на ближайшее время он от угрозы со стороны извращенца будет избавлен.

— У, Микки-Маус хренов, — пробормотал он в пространство.

Напряжение медленно отступало, и под влиянием впрыснутого в кровь адреналина начали включаться мозги. Нагнувшись, он попытался нащупать пульс, но то ли пальцы замерзли и ничего не чувствовали, то ли пульса не наблюдалось.

— И что мне теперь делать?

Следующие несколько секунд разум боролся в нем с инстинктом. Первый говорил: сдавайся, глядишь, обойдется, второй же отчаянно требовал бежать прочь и спрятаться как можно лучше. Вдруг повезет и не найдут? При этом здравый смысл утверждал, что спрятаться прямо сейчас шансы есть, а вот потом... Потом как минимум

затаскают по кабинетам, и даже если повезет, то все равно слушок пойдет нехороший. Как там у классика? Или он шинель украл, или у него, но в чем-то таком он был замешан? Нет уж, надо делать ноги.

И в тот момент, когда ноги уже сделали первые шаги в направлении знакомого прохода между гаражами, вмешался третий фактор. Ребенок, брошенный маньяком, зашевелился и издал странный горловой звук, более всего похожий на что-то среднее между плачем и тошнотой. Дальше Игорь действовал на автопилоте, одним движением подхватив ребенка, оказавшегося неожиданно тяжелым, закинув его на плечо и бросившись прочь.

Соображать он начал уже перед самым домом и тогда же понял, какую глупость совершил, но отступить было уже поздно. Единственным светлым пятном во всей истории было то, что во дворе никого не обнаружилось. Ну, как раз тут ничего удивительного: время не то чтобы позднее, но собачники частью уже выгуляли своих питомцев, частью еще не выходили — попал, что называется, в паузу. Да и недолго они в такую погоду гуляют, большинство домашних собак морозы не любит. Большая часть магазинов давно закрыты, круглосуточных в их дворе, состоящем, говоря по чести, из одного дома и неухоженного участка земли при нем, не

наблюдается. Ну и детей тоже нет. Игорь даже вздохнул с некоторой легкой ностальгией: лет пятнадцать назад он вечерами пропадал во дворе, с товарищами, а нынешние дети сидят по домам, за компьютерами. А их родители, соответственно, перед телевизорами — вон, сколько окон горит. С точки зрения нормального физического развития это, наверное, хуже, но в его нынешней ситуации выглядело одним большим жирным плюсом.

Быстрым шагом, инстинктивно держась самых темных участков, Игорь направился к своему подъезду. Хорошо еще, он находился с краю, а фонари, по обыкновению, не горели. Надо сказать, проблем не возникло. Теперь оставалось столь же незаметно подняться в свою квартиру на девятый этаж, и это было уже сложнее. Дело в том, что квартиру здесь он купил сравнительно недавно. Очень, на его взгляд, удачно получилось, даже в ипотеку, с которой на Руси, по слухам, началось когда-то крепостное право, влезать не пришлось. Просто подвернулась удачная халтура, и заплатили тогда ему очень неплохо. А тут как раз квартиру в этом доме продавали, и, в связи с удаленностью от центра и неудобным, как считалось, верхним этажом, задешево. Относительная дешевизна была, конечно, однако денег с той халтуры, плюс небольших, ранее сделанных накоплений, плюс небольшой

помощи от родителей, совсем впритирку, но хватило, да и девятый этаж Игоря совершенно не смущал. Зато по голове ходить не будут, здраво рассудил он тогда. К тому же крыша не текла, да и то, что лифт доезжал только до восьмого этажа, а дальше надо было идти пешком, для молодого и вполне еще крепкого человека особой проблемой не являлось. Словом, купил. Правда, въехал только через полгода: вначале пришлось делать капитальный ремонт, включая смену полов. А то прежние хозяева держали двух кошек, и в результате по всей квартире стоял мерзкий и нереально стойкий запах звериной мочи. Да и доски пола от нее прогнили мало не насквозь. Пришлось еще поднакопить, чуток занять, нанять мастеров, да не каких-то молдаван-таджиков, а нормальных, местных, и только после того, как они привели новое жилище в порядок, заселяться.

Обратной стороной вопроса был тот факт, что большая часть народу в подъезде жила здесь чуть ли не с момента строительства дома. В их мирок-междусобойчик с давно и качественно сложившимися отношениями Игорь не вписывался категорически. Во-первых, он был чужаком. Во-вторых, ему было категорически наплевать на местные традиции и, к примеру, болтать ни о чем с бабкой-маразматичкой, живущей на первом этаже, не был согласен ни за какие ков-